

Синайский Александр Львович

**Краткий очерк церковно-
общественной деятельности
преподобного Максима Грека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Львович С.**
Краткий очерк церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека / Синайский Александр Львович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 91 с.

ISBN 978-5-519-73653-4

Краткий очерк церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека по части обличения и исправления заблуждений, недостатков и пороков русского общества XVI ст. (1518-1556 г.)

ISBN 978-5-519-73653-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

основаніи изданныхъ его сочиненій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что личность и заслуги преп. Максима Грека побуждаютъ ожидать ббльшаго вниманія къ нему со стороны ученаго потомства, чѣмъ какое оказано преп. Максиму до настоящаго времени. Современное состояніе науки русской церковной исторіи и научные строгія требованія уже не удовлетворяются тѣмъ, что написано о преп. Максимѣ Грекѣ, начиная отъ 1822 г. до 1860 г., когда были изданы сочиненія Максима при казанской академіи. Объ изданіи сочиненій преп. Максима нужно сказать, что оно не полно; многія догматико-полемическія сочиненія преп. Максима, написанныя на книжномъ славяно-рускомъ языкѣ по греко-латинской конструкции, оставлены безъ перевода на русскую рѣчь, отчего они, по справедливому замѣчанію м. Макарія (истор. р. церкви, т. VII, стр. 303—4) весьма затруднительны для пониманія; къ изданію не приложены ни біографія Максима Грека, ни характеристика его литературныхъ трудовъ, которыя слѣдовало бы составить хотя бы на основаніи давнишнихъ двухъ статей о преподобномъ авторѣ, помѣщенныхъ въ 1834 г. и 1842 г. въ свѣтскихъ журналахъ *),—тѣмъ болѣе, что біографіи

*) Свѣдѣнія, замѣтки, статьи и изслѣдованія о преп. Максимѣ Грекѣ находятся у слѣдующихъ ученыхъ: у М. Е. Болховитнинова (Слов. историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, ч. II, стр. 26—41), у архіепа. Филарета Гумилевскаго (Истор. р. церкви, т. III, стр. 142—48); Сказаніе князя Курбскаго стр. 5, 35—36, 37, 107, 263—273; преніе Данила, митрополита Московскаго и всея Руси, съ инокомъ Максимомъ святогорцемъ (Москва, 1847); у м. Макара. Булгакова (Истор. р. церкви т. VII, стр. 265—309); у проф. Ив. Порфирьева (Ист. рус. словес., ч. I, стр. 509—535), у Ив. Соколова (еп. Сергія) Отношеніе протестанства къ Россіи въ XVI—XVII вв., стр. 53—57), у прот. А. В. Горскаго (Приб. къ Тв. св. отецъ, т. 2, кн. 2, 1859 г.), у проф. Иконникова (кіев. унив. изв. 1865 г.), у С. Соловьева (т. V, стр. 379, 84); въ Христіан. Чт. 1862 г. (статья Ив. Нильскаго: преп. Максимъ Грекъ, какъ проповѣдникъ просвѣщенія на Руси въ XVI в.), у Ив. Преображенскаго (О нравственномъ

преп. Максима Грека въ настоящее время не имѣется въ продажѣ.

Изъ всего, что написано о преп. Максимѣ Грекѣ, можно представить о немъ слѣдующій краткій очеркъ, изображающій его личность и благотворную дѣятельность и заслуги для Руси XVI ст.

Лучшій грекъ своего времени, получившій богословско-философское образованіе въ заграничныхъ западныхъ школахъ и относившійся къ нему критически, аѳонскій инокъ ватопедскаго монастыря въ лучшемъ смыслѣ, сдѣлавшійся быстро извѣстнымъ своему начальству за свою ученость и подвижничество, преп. Максимъ Грекъ большую часть жизни провелъ не на родинѣ, а въ Россіи, куда прибылъ по вызову великаго князя Василія Ивановича IV въ 1518 г. для разбора, описанія и перевода греческихъ рукописей въ княже-

состояніи русскаго общества XVI в. по сочиненіямъ преп. Максима Грека и современнымъ ему памятникомъ, Москва, 1880 г.); въ Труд. кiev. академіи (1864 г., I—II кн.); у свящ. В. Жмакина (М. Даніилъ и его сочиненія, Спб., 1881 г.), въ сборникѣ десяти чтеній по русской литературѣ, (Москва, 1895 г.), въ соч. А. Колесова (рукопись), преп. Максимъ Грекъ. Его жизнь и труды (Богосл. Вѣст., 1896 г., февр.); въ соч. Д. Тарунтаева о догматич. сочнн. Максима Грека (Христ. Чт., 1896 г., № 2 — 3). Изъ перечисленныхъ сочиненій о преп. Максимѣ Грекѣ выдаются своими достоинствами изслѣдованія прот. А. В. Горскаго—Максимъ Грекъ святогорецъ (Приб. къ теор. св. отц., 1859 г., ч. XVIII, стр. 144—192) и проф. Иконникова—Максимъ Грекъ (Кіевъ, 1866 г.); означенныя изслѣдованія отличаются полнотою, безпристрастіемъ и правильностью; жаль, что изслѣдованіе прот. Горскаго почему-то не окончено; оно прервано на самомъ важномъ періодѣ просвѣтительной дѣятельности преп. отца въ Россіи; къ особенностямъ изслѣдованія проф. Иконникова нужно отнести стремленіе автора указать на сродство многихъ суевѣрныхъ заблужденій русскаго общества XVI в. съ общечеловѣческими, находящими для себя объясненіе въ невѣжествѣ, мистицизмѣ и взаимномъ вліяніи (вслѣдствіе сношеній націй) народныхъ массъ. Особенною ясностью, живостью изложенія и общедоступностью отличается позднѣйшая по времени компилятивнаго характера статья Ф. Нелидова о преп. Максимѣ, вошедшая въ указанный выше сборникъ чтеній по русской литературѣ.

ской библіотекѣ, но гдѣ пришлось по-неволѣ остаться до смерти, послѣдовавшей въ 1556 г. (1480—1556 г.), на 76-мъ году жизни. Во все это продолжительное время пребыванія въ Россіи преп. Максимъ Грекъ занятъ былъ книжнымъ дѣломъ, т. е. переводомъ съ греческаго на славяно-русскій языкъ святоотеческаго писанія, провѣрялъ существовавшіе переводы чрезъ сличеніе ихъ съ *оригинальнымъ текстомъ* и исправлялъ вкравшіяся въ наши богослужебныя книги ошибки и неточности; это онъ дѣлалъ по порученію церковно-гражданской власти; но въ то же время преп. Максимъ самостоятельно предавался составленію трактатовъ, посланій, словъ и замѣтокъ, въ которыхъ то обличалъ ложныя мнѣнія иностранныхъ и русскихъ современниковъ о разныхъ предметахъ вѣры, то указывалъ на господствовавшіе недостатки и пороки среди русскихъ, не исключая монашества и духовенства, то давалъ объясненія и отвѣты многимъ обращавшимся къ нему съ запросами по поводу разныхъ недоумѣній въ области церковно-богослужебной, административной, церковно-канонической и т. п. предметамъ, волновавшимъ тогдашнее общество. Не легко и не безопасно было преп. Максиму Греку справиться съ предстоявшими ему задачами, постепенно расширявшимися, при незнаніи Максимомъ славяно-русскаго языка, вмѣсто котораго, на первыхъ порахъ до изученія, онъ долженъ и вынужденъ былъ пользоваться латинскимъ при помощи русскихъ толмачей, переводившихъ не всегда удачно работы Максима съ латинскаго на русскій. Но не эта была главная причина, измѣнившая безповоротно и злополучно судьбу преп. Максима; изучивши (далеко, впрочемъ, несовершенно) славянскій языкъ, Максимъ слишкомъ воспользовался имъ для открытаго, рѣзкаго и поголовнаго обличенія заблужде-

ній, недостатковъ и пороковъ русскаго общества. Указаніе на неисправность богослужебныхъ книгъ, рѣзкое осужденіе привязанности русскихъ къ обрядовой сторонѣ вѣры взамѣнъ искренняго благочестія и добродѣтельной жизни, обличеніе любостыжательности и стремленія монаховъ къ пріобрѣтенію и пользованію земельными имуществами, наклонности къ сутяжничеству, притѣсненію и жестокости и т. п. шли въ разрѣзъ съ невѣжествомъ и самомнѣніемъ русскихъ, считавшихъ себя не только выше (особенно въ религіозномъ отношеніи) западныхъ христіанъ латинянъ, но даже и православныхъ грековъ, въ то время политически угнетенныхъ и подозрительныхъ въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Русскіе люди не поняли и не хотѣли понять ни искренности и чистоты намѣреній преп. Максима въ дѣлѣ исправленія книгъ и обличенія дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ недостатковъ, ни своевременности и пользы исправленій; они жестоко отнеслись къ преп. Максиму Греку; обвинили его въ неблагонамѣренности и даже политической неблагонадежности, вмѣсто того, чтобы слѣдовать его указаніямъ; одни это сдѣлали изъ ненависти и зависти къ выдававшимся достоинствамъ и заслугамъ Максима,—другіе по невѣчеству, а нѣкоторые изъ опасенія за цѣлость православія; допущенныя Максимомъ, всегда возможныя, въ данномъ случаѣ происшедшія, отъ незнанія славянскаго языка, ошибки при исправленіи книгъ поставлены были недоброжелателями Максима Грека въ вину; если въ исправленіи видѣли порчу книгъ, то въ неудовлетворительныхъ новыхъ выраженіяхъ признали еретичество, не обращая вниманія на оправданія и униженныя просьбы о прощеніи. Преподобный Максимъ Грекъ подвергся опалѣ и со стороны ранѣе расположеннаго къ нему великаго князя

Василія Ивановича; опала была напрасная; она вытекала не изъ виновности въ чемъ либо предосудительномъ преп. Максима Грека, всегда благонамѣреннаго дѣятеля и мужественнаго охранителя церковныхъ постановленій, а изъ неодобренія Максимомъ насильственнаго и незаконнаго расторгенія брака великаго князя Василія съ своею супругою Соломонією по причинѣ ея неплодства; преп. отецъ отказался одобрить намѣреніе князя, вопреки желанію послѣдняго и согласію Московскаго митрополита Даніила на разводъ, который и состоялся (въ 1524 г.). Другимъ источникомъ продолжительнаго охлажденія къ преп. Максиму Греку могли быть тѣ писанія его, въ которыхъ содержались намеки на непохвальныя дѣйствія обоихъ государей — Василія и Ивана IV. Ни въ чемъ неповиннаго Максима на соборахъ въ 1525 и 1531 гг. осудили какъ еретика и развратника писанія на заточеніе сначала въ Волоколамскій монастырь, а потомъ въ Тверской Отрочъ, гдѣ онъ томился неисходно почти до самой смерти († 1556 г.). лишенный не только свободы, но и физическаго простора, свѣта и возможности предаваться вполнѣ книжнымъ занятіямъ; Максимъ обреченъ былъ на бездѣйствіе; его лишили участія въ богослуженіи и причащеніи св. Евхаристіи. Безпристрастная исторія считаетъ осужденіе преп. Максима несправедливымъ, а продолжительное и тяжелое заточеніе его не только насильственнымъ, но и незаконнымъ, противнымъ правиламъ гостепріимства, существовавшимъ тогда правамъ иностранцевъ и международныхъ отношеній; потому что преп. Максимъ Грекъ былъ не русскій подданный, а иностранный, хотя и единовѣрецъ. Мы удивляемся жестокости и безчеловѣчію монаховъ волоколамской обители, съ какими они, владѣльцы имѣній, но не благо-

родныхъ чувствъ, относились къ безкорыстному и бѣдному ученому Греку-единовѣрцу; къ неоднократнымъ слезнымъ просьбамъ Максима о возвращеніи его на родину глухо относились всѣ тѣ, къ кому онъ обращался, отъ великаго князя (Ивана IV Грознаго, Василія IV) до боярина. Причина такой жестокости къ Максиму заключалась, помимо сказаннаго, въ опасеніи за распространеніе худой молвы о русскихъ въ Греціи, о подданныхъ которой русскіе были низкаго мнѣнія. „Человѣкъ онъ разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдетъ изъ Россіи, то все расскажетъ“, говорилъ въ 1545 г. бояринъ Берсень о преп. Максимѣ. Изъ словъ боярина слѣдуетъ, какъ будто бы рѣчь идетъ не о скромномъ инокѣ, а о шпионѣ въ военное время. Слова Берсень знаменательны и характерны: какъ легко съ патріотическими чувствами соединяются грубость, самообманъ и жестокость! По высокопоставленному лицу можно судить о другихъ, имъ же имя легіонъ.

Не разнообразна, а скучна и монотонна, повидимому, была жизнь преп. Максима Грека въ грубой, негостепріимной и неблагодарной Россіи, однако великія личности, оставляющія послѣ себя память въ отдаленномъ потомствѣ, умѣютъ пользоваться своими даже несчастьями для самоусовершенствованія и исторіи. Если представить себѣ подневольное положеніе преп. Максима Грека, его униженіе, заточеніе какъ бы замогильное, (несчастнаго закованнаго въ оковы томили дымомъ, холодомъ, голодомъ, отчего онъ нерѣдко впадалъ въ безсознательное, обморочное состояніе) страданія, тоску по родинѣ, іудейскую жестокость судей, полное одиночество среди враждебныхъ монаховъ, то станетъ удивительнымъ то, какимъ образомъ могъ столько оставить послѣ себя литературныхъ трудовъ человѣкъ опальный

и выдержать великодушное настроеніе и покорность Промыслу до конца? Недоумѣніе и удивленіе наше находитъ себѣ объясненіе въ личности преп. Максима Грека. Это былъ человѣкъ мысли, идеаловъ, подвиговъ и стремленій, воплощеніе истиннаго монаха, мужъ не отъ міра сего, не искавшій для себя ничего въ мірѣ, но въ то же время знавшій, что въ немъ совершается, чѣмъ люди интересуются, какими страдаютъ недостатками, нравственными и умственными. Свои наблюденія надъ жизнью современнаго русскаго общества преп. Максимъ и высказалъ въ своихъ сочиненіяхъ, указавъ на одностороннее направленіе въ области вѣры и жизни. Отсюда на труды преп. Максима Грека можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: 1) со стороны описательной, или фактической и 2) со стороны обличительной, или критической. Съ означенныхъ двухъ сторонъ мы и рассмотримъ творенія преп. Максима Грека въ краткомъ видѣ, т. е. не повторяя существующихъ характеристикъ о Максимѣ Грекѣ, но обобщая и излагая ихъ въ порядкѣ возникновенія тѣхъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ русскаго общества XVI в., по поводу которыхъ высказывался преп. Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ.

I.

XVI в. по справедливости признается временемъ темнымъ,—временемъ, когда былъ полный упадокъ просвѣщенія; научнаго знанія не было; знаніе церковно-религіозное было одностороннее, слабое; оно состояло въ чтеніи и усвоеніи свято-отеческой письменности, соединенной съ примѣсью апокрифическихъ писаній, наполненныхъ суевѣріями, историческими и логическими

несообразностями; вмѣсто просвѣщенія была низшая его форма—грамотность и начитанность, пріобрѣтенная не самостоятельнымъ образомъ, безъ критической провѣрки; школъ и учителей не было. Отъ упадка общаго и религіознаго образованія происходили грубыя и невѣрные понятія и взгляды на предметы вѣры, нравственныя требованія, взаимныя отношенія и правила, и житейскія обязанности; требованія христіанской религіи представлялись и исполнялись чисто внѣшнимъ образомъ; христіанскіе догматы отождествлялись съ обрядами; исполненіе обрядовой стороны, безъ внутренняго побужденія и одушевленія, составляло благочестіе; правила нравственности нарушались не только по наклонности ко злу и эгоизму, но и по превратнымъ представленіямъ о сущности долга; ложныя понятія господствовали не только среди простаго народа, но и въ среднемъ и высшемъ сословіяхъ, не исключая духовенства и монашества. Если первое было грубо, распущено и бѣдно, то второе, будучи обезпечено, весьма далеко было отъ своего идеала. Исключеніе изъ господствовавшаго упадка просвѣщенія и нравственности представляли немногія лица, принадлежавшія къ духовному и свѣтскому обществу. Эти лица не только видѣли и понимали недостатки современнаго имъ общества, но и стремились помочь дѣлу исправленія русскаго общества словомъ, писаніемъ и примѣромъ, вывести его изъ заблужденій, лицемѣрія и самомянія. Помимо указанія и обличенія различныхъ нестроеній (въ богослуженіи, въ мелочныхъ спорахъ изъ-за различія въ обрядахъ, въ семейной жизни, въ приверженности къ остаткамъ язычества) Руси XVI в., происходившихъ то отъ правительства, то отъ нарушенія церковныхъ правилъ, то отъ произвола частныхъ лицъ, означенныя свѣтлыя личности являлись храните-

лями страны отъ вреднаго вторженія и сильныхъ вліяній на русское общество со стороны инославныхъ исповѣданій католичества и лютеранства, проповѣдники которыхъ, живя тогда въ Россіи, старались увлекать и увлекали легковѣрныхъ нашихъ соотечественниковъ одновременно съ увлеченіемъ ересью жидовствующихъ, Бакшина, Θεοδора косаго и т. п.

Къ такимъ исключительнымъ личностямъ XVI в. на Руси, стремившимся направить нашу страну на путь истиннаго духовнаго просвѣщенія, вѣрнаго пониманія христіанства и нравственнаго долга, принадлежалъ преп. Максимъ Грекъ. По своимъ убѣжденіямъ, образованію, монашескимъ идеаламъ и жизни, Максимъ примыкалъ съ своеобразнымъ оттѣнкомъ мысли къ существовавшему тогда просвѣщенному кружку, „бѣлозерскихъ, или заводжскимъ старцевъ“, образовавшемуся подъ вліяніемъ ученія, жизни и направленія преп. Нила Сорскаго (1505). Преп. Максимъ былъ главою и руководителемъ не многочисленнаго (до 11-ти лицъ), но единомыслнаго и одушевленнаго высокими стремленіями кружка (не партіи, какъ казалось другимъ), члены котораго (духовные и свѣтскіе) желали воспользоваться знаніями и совѣтами преп. Максима для самообразованія, обоснованія и рѣшенія назрѣвшихъ къ тому времени церковно-общественныхъ вопросовъ. Между многими вопросами укажемъ на нѣкоторые, какъ наиболѣе важные, разсматривающіеся въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека, имѣвшіе въ то время практическо-жизненное и руководственное значеніе. Этимъ самымъ мы ограничиваемъ характеристику преп. Максима Грека, въ которой, посему, не будетъ говориться о сочиненіяхъ преп. отца догматическаго и полемическаго (вѣроисповѣднаго) отвлеченнаго содержанія, какъ составленныхъ не столько въ

удовлетвореніе существовавшей потребности русскаго общества, сколько по общецерковнымъ побужденіямъ высокопреосвященнаго и дѣятельнаго автора ихъ. Правда, цѣлью многихъ догматико-полемическихъ сочиненій преп. Максима—было ослабленіе ереси жидовствующихъ (напр. о воплощеніи Бога-Слова), но здѣсь преп. Максимъ Грекъ сказалъ не болѣе того, что извѣстно было изъ „Просвѣтителя“ преп. Іосифа Волоколамскаго, равнымъ образомъ и въ полемикѣ противъ папскихъ заблужденій. Преп. Максимъ не устоялъ на высотѣ оригинальнаго и безпристрастнаго проповѣдника (не говоримъ изслѣдователя), вдавшись въ мелочность и даже невѣрность объясненій особенностей католическихъ обычаевъ, какъ напр., въ вопросѣ объ опрѣснокахъ, употребленіе которыхъ преп. Максимъ соединяетъ съ еретичествомъ Аполлинарія († 362 г.), отрицавшаго въ Іисусѣ Христѣ соединеніе души съ тѣломъ, символомъ чего представляется будто бы въ евхаристіи опрѣсночный хлѣбъ вмѣсто кваснаго (т. I, стр. 220, 229, 466, 527). Теоретическими и лично-патріотическими побужденіями объясняется полемика преп. Максима Грека противъ магометанскаго ученія, къ послѣдователямъ котораго преп. авторъ имѣлъ основанія относиться съ ненавистнымъ чувствомъ (называя Магомета псомъ).

Важные церковно-общественные вопросы, которыхъ касался преп. Максимъ Грекъ, отчасти уже существовали и обсуждались ранѣе, будучи вызваны самою жизнью, отчасти принадлежали инициативѣ преп. отца. Сюда относились вопросы: 1) о лучшемъ пониманіи и исполненіи христіанскаго нравственнаго закона, 2) объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ и святоотеческой переводной письменности, 3) объ отношеніи къ русскимъ еретикамъ и иновѣрцамъ, 4) объ отноше-